

ОЛЕГ ПРЯНИЧНИКОВ

ИГРА ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

ЮМОР, САТИРА

Олег Пряничников

**Игра длиной в
жизнь. Юмор, сатира**

«Издательские решения»

Пряничников О. Е.

Игра длиной в жизнь. Юмор, сатира / О. Е. Пряничников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833652-2

Юмор, сатира, ирония! Улыбайтесь и смейтесь, господа! И ничего страшного, если иногда я Вас заставлю немного задуматься, ведь и думать бывает очень даже кайфово.

ISBN 978-5-44-833652-2

© Пряничников О. Е.
© Издательские решения

Содержание

Стой! Кто идёт?!	6
Азартный Василий	7
Аргистка огородная	8
Почитатели Вуду	9
Глаза закрою, вижу...	10
В автобусе	12
Счастливого вам пути!	14
Моя женщина	15
Весёлые зверушки	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Игра длиною в жизнь
Юмор, сатира
Олег Евгеньевич Пряничников

© Олег Евгеньевич Пряничников, 2016

ISBN 978-5-4483-3652-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стой! Кто идёт?!

Из нас никто не спал. Мы все дежурили-караулили. Поочередно.

В ночь на двадцать восьмое декабря дежурила тёща. Она забаррикадировалась в кухне табуретками и стойко простояла всю ночь у холодильника.

На утро в банке с чёрной икрой не хватало семь столовых ложек, с красной – четыре. Кабачковую бог миловал. Но от салями остался только хвостик.

– Я задремала всего на секундочку, а вы как последние диверсанты воспользовались этим, – возмущалась тёща.

– Да мы это. Мы конечно не спали. Минуты четыре. А потом как дети, – переглядывались я и жена виновато.

– А я вообще – ребёнок, – отрезал наш отпрыск девяти лет. – Поэтому всю ночь спал тоже как ребёнок, то есть как младенец. Короче, без задних ног я спал, никуда не вставал.

В ночь на двадцать девятое декабря он дежурил – сын. Ведь рано утром в школу сорванцу, ан нет, вызвался караулить.

На кухне он включил дивиди, телевизор и лёг на табуретки, тем самым преградив путь к холодильнику.

На утро в коробке с конфетами-ассорти не хватало двенадцать конфет, в коробке с безе десять безешек, торт с красивой надписью «С НОВЫМ ГОДОМ!»! был съеден наполовину.

– Как вы могли! – Возмущался с лицом, вымазанным шоколадным кремом сын. – Я заснул всего лишь на секундочку, а вы, как последние сладкоежки!

– Да мы минут восемь не спали! А потом как дети! – вспыхнули мы с женой.

– Да-да. И я минут восемь, а потом мы все – хры-ы, – подтвердила наше алиби тёща, а заодно и себя оправдала.

В ночь на тридцатое декабря караулила холодильник жена. Ей простили всё, потому что из холодильника бесследно пропали только солёные огурцы (три литра) и баночка майонеза (литр).

В ночь на тридцать первое декабря я сказал им: " Ничего не знаю, моя очередь охранять холодильник». Все разошлись по комнатам подавленные, один я был в приподнятом настроении, которое сохранялось у меня всю ночь.

На утро я не возмущался. Я был не в силах.

Подсчитали убытки. Бутылка коньяка и бутылка водки опустели больше чем наполовину. От копчённой горбуши остались одни горбики. От маринованных груздей, которые тёща берегла с лета, остались пустая двухлитровая банка и журнальная фотография знатока Друзя, которую тёща зачем-то наклеила на банку.

Вечером тридцать первого декабря всем семейством мы собрались, чтобы проводить старый год. На столе было всё что было в холодильнике, а ещё мы наготовили оливье. В атмосфере царил некая напряжённость.

– Говорила я, не надо запасаться на Новый год заранее, – проворчала жена, хрустя квашенной капустой. – Сейчас же в магазинах всё есть! Пошёл, купил!

– Ой-ли! Ой-ли! – парировала тёща. – Сёдня есть, завтра нету, знаем, проходили. И цены: сёдня такие, а завтра – совсем-е-ем другие. И народищу в магазинах тридцать первого не толкнуться.

Короче, как бы то ни было, потихоньку мы развеселились. А когда шампанское выстрелило под удары курантов, атмосфера разрядилась окончательно. Тут дед Мороз к нам пришёл пьяненький со снегуркой квленькой, сынок стих прочёл взрослый, я спел. В общем, Новогодний праздник удался. И оливье хватило всем!

Азартный Василий

– Я чувствую, мне сегодня повезёт, – сказал Василий, садясь к столу.

На очаровательном личике девушки (она же крупье) застыла загадочная улыбка Джоконды.

Василий водрузил на стол стопку разноцветных фишек, снял несколько сверху и положил их возле крупье. Та блеснула глазками, две карты легли на стол, Василий открыл свою.

– Ещё, – востребовал он. После некоторого раздумья снова востребовал: – Ещё... Чёрт! Перебор! – он с досадой швырнул карты на стол.

– Казино выиграло, – ласково объявила девушка и также ласково спросила: – Играем дальше?

– Играем, – рубанул Василий.

На этот раз он резко увеличил ставку – его стопка фишек уменьшилась наполовину.

– Ещё! – Когда Василий вложил в ладонь вторую карту, то по его лицу пробежала радостная дрожь, у него было двадцать. – Себе, – сказал он мягко и даже стал тихо насвистывать.

– Не свистите – денег не будет, – предупредила девушка, Василий замолк. – Что у вас?

– У меня... двадцать.

– Понятно. – В ответ она стала набирать себе. – Двадцать одно, – нежно объявила крупье. – Казино выиграло.

– Ёлы-палы! – нервно выпалил Василий. – Ставлю всё. Всё! – И он пододвинул к крупье оставшиеся фишки.

И снова две карты легли на стол.

– Ещё! – выкрикнул Василий, когда открыл туза. И тут к тузу он получил десятку. – Двадцать одно! Я выиграл! – закричал он радостно и с шлепком припечатал свои двадцать одно к крышке стола.

– Минуточку, – бархатным голоском пропела невозмутимая крупье. Сейчас моя очередь. По правилам казино, если крупье наберёт столько же сколько и игрок, то казино остаётся в выигрыше.

– Правила мне известны, – прохрипел Василий и весь напрягся.

Девушка открыла свою карту, добавила к ней ещё одну, потом ещё... Двадцать одно. Казино выиграло! – объявила крупье. – А теперь, милый, – вдруг в её голосе появились металлические нотки. Кстати, крупье звали Леной и она являлась законной женой Василия. – А теперь, милый, – сказала Лена, жена Василия, – подведём итоги. Она сложила все выигранные фишки в кулачок, а затем по одной их стала метать на стол: – Эта фишка – мытьё посуды, эта – стирка белья, эта – готовка ужина, эта – поход в магазин, эта – вынос мусора, чистка ковра... Короче, ты проигрался в пух и прах, любимый, при чём на неделю вперёд. Не грусти, дорогой. Ты же сам придумал: играть в очко на домашние дела, вместо того, чтобы их просто поделить – тебе мужские, мне женские. Так что за дело, Василий!

Лена подмигнула мужу и в прекрасном настроении покинула кухню.

Через некоторое время он пришёл в себя и принялся за мытьё посуды.

«Ничего, – скобля сковородку думал Василий. – Со следующей недели меняем очко на рулетку. Уж в неё мне точно повезёт».

Артистка огородная

Деревня. Завалинка. Свидание молодых влюблённых.

- Здравствуй, Клава, девочка моя.
- Здравствуй, Коля. Спасибо тебе, конечно, за девочку, но теперь я не только твоя.
- Не понял...
- А что тут не понятного. Теперь, Коля, я – народная.
- Опять не понял.
- Да что ты заладил: не понял – не понял! Артистка теперь я. Народная. Ты же сам прекрасно знаешь, как я мечтала стать артисткой. И вот стала, причём сразу – народной.
- Да как так-то?
- А вот так: съездила в город, в подземном переходе заказала себе корочку, меня сфотографировали, съездила второй раз, выкупила эту корочку. Ну, корочку, удостоверение, понял?
- Теперь понял. Покажи.
- На! Гляди!
- Так (читает). Удостоверение. Так. Народная артистка Риссии. Риссия – это что? Китай что-ли?
- Да это просто описка, Коля. Можно ведь подправить. Тихонько.
- Тихонько, говоришь. (Читает дальше.) Народная артистка Риссии Пулькина Клавдия Владимировна. Но ты же Васильевна, Клава!
- Да какая разница – какое отчество. Можно ведь подправить.
- Тихонько?
- Ага. Тих... онько. Зато фотография моя.
- Фотография-то твоя. Сколь отдала?
- Пят...
- ????
- Десять тыш.
- Десять тыш!!!
- Зато я теперь артистка. Народная.
- Ой-ли. Странная какая-то корочка... Клава! А ты обложку этой корочки внимательно разглядывала? Смотри на оттиск.
- Ну, смотрю – золотыми буквами: УДОСТОВЕРЕНИЕ.
- А ниже. Читай!
- УДОСТОВЕРЕНИЕ..НКВД...
- Ну ты и отчебучила... артистка. Подшутили над тобой. За твои же деньги.
- Ха! Так всё же правильно! НКВД – это значит Народная Клавдия Владимировна.
- Васильевна. А лучше так – Народная Клавдия Васильевна – дура!
- Ы-ы-ы!!! Лоханулась я, Коля-я-я!!!
- (Обнимает её.) Эх – ты, артистка моя... огородная, не плачь уж...

Почитатели Вуду

Этот студент и эта студентка, Владлен и Валерия, чё учудили. Они, почитатели Вуду, влюблённые друг в друга, однажды, поссорившись из-за какого-то пустяка, прокляли друг друга. Они сварганили куколок и стали их мучить иголками и прочей ерундой, наивно веря, что они этим самым мучают непосредственно друг друга. У него куколка получилась не очень. Слепил он её из пластилина, слепил на скорую руку. Куколка получилась безликой, со спичками вместо ручек, ножек и волос. И имя ей было дано – Валерьянка. Владлен, изготовив такого монстрика, тут же проткнул его спичкой. «Так тебе!» – рыкнул и швырнул Валерьянку в свой стол. Валерия шила Владурака (так она назвала свою куклу) всю ночь. И животик, и головку, и ручки, и ножки и... так далее она тщательно набила ватой. И глазки-то ему пришила, и и носик, и ротик, и... так далее. Всё из разного цвета материи. Молодец! Аккуратная девочка. Также аккуратненько она воткнула большую иглу во Владурака, рыкнув при этом: «Так тебе!» Затем она притулила бедную куклу к своим детским игрушкам, на полку. Шли дни. Как-то Владлен и Валерия попробовали помириться, но у них не заладилось. Вот тут-то и началось «настоящее Вуду».

В этот же день Владлен, психуя, перетянул шейку Валерьянке нитью и повесил ту над своей кроватью. Фашист! А она, Валерия, в этот день воткнула во Владурака аж дюжину маленьких, но острых иголочек. И в глазки, и в носик, и в ротик. А «так далее» вообще оторвала с корнем. Садистка! Как говорится – от любви до ненависти один шаг. Короче, эти почитатели Вуду, возненавидели друг друга. И теперь, после каждой их невольной встречи (а они ведь учились в одном институте) с Валерьянкой и с Владураком происходило что-нибудь ужасное – у одной вспыхивали ручки и ножки, у другого отрывались глазки, у одной горели волосы, у другого добавлялись острые иголки. В общем, со временем некогда более-менее симпатичные куклы превратились в маленьких ёжиков-уродцев. Но... вдруг... с Валерией что-то произошло, она затосковала, ей стало жалко Владурака. Она взяла и пришила ему новое «так далее», нарядила его шапочкой и шарфиком. А иголки, которые она по-прежнему всё-таки втыкала в него, теперь были разноцветными, праздничными. Пожалел и Владлен Валерьянку – как-то он придумал ей паричок, отрезав локоны от белоснежной капроновой мочалки, потом он слепил из белого пластилина достойные ручки и ножки. Прилепил их к фигурке, а ножки обернул в юбочку, используя обёртку от шоколадной конфеты. И главное – он освободил шейку Валерьянки от нити. И вместо висения она теперь сидела на полированной спинке кровати, прислонившись к обоям. И вот однажды, не сговариваясь, в один и тот же день, в одно и то же время, Владлен и Валерия пришли на старое место их свиданий. К фонтану, дно которого сверкало монетками, или к памятнику Пушкина, возле которого сумасшедший поэт декламировал свои стихи, или к часам-цапле... Да важно ли это? Они встретились и протянули друг другу ёжиков-уродов и, ужаснувшись, рассмеялись. Она хохотала, держа на распятой ладони Валерьянку, он ржал, с любопытством вертя Владурака. Они помирились. А мне кажется – Вуду их и помирил.

Глаза закрою, вижу...

Действующие лица: Сашка, Пашка, Ирина – молодые люди 18—20-ти лет.

Комната Саши, он сидит за монитором. Недалеко от него на диванчике, с журнальчиком в руках, развалился его дружок Пашка. Сашка на одном из сайтов знакомств просматривает фотографии девушек. В какой-то момент он закрывает глаза и видит перед собой очаровательную девушку, её длинные волосы выются на ветру, она бесподобна, за кадром льётся красивая музыка. И тут Сашка вздрагивает от голоса Пашки, он открывает глаза.

Пашка: Опять?

Сашка: Ничего с собой поделатъ не могу – вижу её и всё.

Пашка: Но ты же не можешь влюбиться в девушку, которую сам придумал. Значит ты её где-то видел раньше.

Сашка: Может быть и видел.

Пашка: А может это у тебя болезнь какая-то? А, Сашок? Ты бы взял да и спросил у людей в интернете – есть ли у кого ещё такая же проблема.

Сашка: А что! И спрошу! (Печатает.) О! Ответы пошли.

Пашка: Ну-ка, почитай-почитай.

Сашка: Никас пишет: " Как закрою глаза – вижу перед собой прапорщика, никак не выходит из головы эта армия, мать её. Особенно прапорщик, мать его.»

Пашка: Ха!

Сашка: Ещё. «Насчёт глаз не скажу, а вот уши затыкаю часто... наушниками. Меломан»

Пашка: Ха! Ещё есть?

Сашка: Есть. «Затыкаю только нос – в общаговском туалете»... Одна ерунда короче. Пашка!

Пашка: Ну!

Сашка: Тут одна Ирина пишет, Ирина-художница. «У меня точно такая же болезнь как у тебя, – пишет она.– Я когда закрываю глаза, то вижу перед собой человека, которого люблю. Но встретить его никак не получается. Я всё время рисую его лицо. А вот это я» Пашка! Фотография её! Глянь!

Пашка (подлетает к монитору): Это она?

Сашка: Она. Она – моя Ирина. Господи, сердце-то моё как бьётся. Сейчас предложу ей знакомство.

Пашка: Подожди, Сашок. Не спеши. Ты знаешь чего, ты напиши ей, пусть этот, портрет своего любимого предъявит. А вдруг это ты. А вдруг – это хорошая шутка судьбы!

Сашка: Да я просто уверен что она видит меня! (Печатает.)

Комната Ирины, она сидит за монитором. Она только что прочитала Сашкин новый текст и отправила ему портрет любимого человека. Ирина закрывает глаза, за кадром льётся красивая музыка.

Комната Саши.

Сашка: Паша, рисунок появился!

Пашка: Вижу...

И тут возникает пауза. Пашка открывает рот от удивления, Сашка хватается за голову.

Сашка (потеряно): Это не просто плохая, это очень злая шутка судьбы...

Пашка: А что, у твоей Ирины есть вкус...

Крупным планом монитор. На мониторе лицо нарисованное карандашом – это Пашка.

В автобусе

Рейсовый автобус, битком набит пассажирами. Пожилая пара сидит где-то посередине салона.

Он: Ох и народу. Галюха, ох и народу.

Она: Хорошо, что мы на самой первой остановке сели.

Он: Слышь, Галюха, может мне уступить место вот той старушенции. Жаль её.

Она: А сам-то, не старик? Ладно, тебе виднее.

Он: Эй! Старушенция! Подгребай к нам, я тебе место уступлю. (Привстаёт.)

Старушенция: Ой, спасибо, милочка. Ой, спасибо... Митя?!

Он: Таня?! (Снова садится.)

Старушенция: Митя!

Он (смутившись перед женой): Галюня, это Таня: подруга детства, вместе в институте учились...

Она (смерив старушенцию нехорошим взглядом): Так вот ты какая – Таня. Это имя не раз я слыхала от своего муженька. Он, знаете ли, лю-ю-юбит во сне разговаривать.

Старушенция: Пойду я.

Она: Стоять!!! Ой, кожа да кости, горбик вон, клюка. Мить, глянь, у неё клюка. А ты, гад, во сне. И не только!

Он: Галюнь, когда это было.

Она: Ах-ты, старушка-одуванчик. Да я щас как дуну!

Старушенция: Люди! Выпустите меня! Я на ходу выйду!

Люди: Стоять!!! Нам интересно.

Она: А ну садись. А ты, Митя, потеряйся на время!

Люди: Х-а-а!!!

Она: Тихо там – всем! Ну как живёшь, Таня? Я же бывало с твоим именем и ложилась, и просыпалась и... Короче, ты мне как родственница была. Как живёшь, Таня?

Старушенция: На пенсию молюсь, Галя.

Она: И мы.

Старушенция: По женски болею.

Она: И я.

Старушенция: Внуки задолбали.

Она: И нас.

Старушенция: Жизнь прожила – как будто и не жила.

Она: Мда. (кивнув на мужа, стоящего в толпе) Эх, а за что бились-то, Тань? За этого сморчка лысого? Пузатого, кривоногого, больного?

Старушенция: Ну, одно-то достоинство у него было.

Она: Вот именно – было...

Люди (ему): Батя! Выпить хочешь?!

Он: Наливай. Ей, трясёт.

Люди: Ну, чуть расступитесь, трясёт же!

Старушенция: Помириться бы.

Она: Да будь ты здорова!

Люди: Пей, батя, пей!

Она: О! Остановка наша! Ми-и-тя! Выходим!

Он: Я ехала домо-о-ой!

Кое-как выходят.

Счастливого вам пути!

Поза цапли, стоящей на одной ноге.

Правую, либо левую ногу, согнув в колене, вы поднимаете вверх параллельно полу. Затем, стопу, поднятой ноги, подошвой вы прижимаете к удобной вам ягодице. Прижимаете как можно крепче. Ещё крепче! Затем. Кисти рук вы прячете у себя под мышками. Теперь самое интересное. Находясь в такой позе, вы должны удерживать в клюве сумку весом от пяти и более килограммов. Удерживайте её до потери пульса.

Следующая поза – поза глухонемой, слепой обезьянки.

Молниеносно вы запрыгиваете на кого-либо, или на что-либо. Запрыгнув, вы должны цепко держаться за предмет, на который запрыгнули, ногами. А руками вы должны обхватить свою голову так, чтобы никого не слышать и никого не видеть. На тумачи не реагировать, ноги и руки не разжимать – терпеть до потери сознания.

И наконец, третья поза – поза затравленного червячка.

Как можно сильнее втяните в себя живот, грудь и всё остальное. Затем прилипните к любой вертикально стоящей поверхности и ползите к потолку. Ползите. Я сказал, ползите! На потолке замрите. Замерев, затравленно поглядывайте по сторонам. Попытайтесь слиться с потолком, пусть останутся одни затравленные глаза. Терпеть до потери зрения.

Итак. Мы познакомили вас с очень необходимыми вам тремя позами. В следующий раз вы узнаете всё о позе дохлой мухи, о позе дохлой мухи, размазанной по стеклу, и о позе последнего огурца, только что втиснутого в полную банку для предстоящего соления.

Напоминаем, все рекомендуемые позы вы легко можете отработать в автобусах рейсов: семь, восемь, шестнадцать и сто одиннадцать муниципального автопарка нашего города.

АТП «ЕЗДАКОМФОРТ»!!!

МЫ всегда заботимся о наших пассажирах!

Счастливого вам пути!

(заметка из газеты «Общественный транспорт», напечатано на правах рекламы)

Моя женщина

Моя женщина варила борщ. Наша кухня, и без того маленькая, теперь казалась совсем крохотной, потому что в ней кроме меня находилась ещё моя женщина. Она стояла у плиты и варила борщ.

– Милый, – прощепетала она, развернувшись ко мне, – сегодня, – она отхлебнула из поварёшки, – у нас – борщ.

– Ой ли, – усомнился я, сидя за кухонным столом и загородившись газетой

– Ах, ты сомневаешься? Ничего себе! – моя женщина нахмурилась, но ненадолго. Она хитро прищурилась. А я настороженно вздрогнул, поглядывая на неё поверх газеты.

– Милый, у нас будет борщ, – настойчиво пообещала мне моя женщина. – С мясом, капустой, свеклой, картофелем, свежим помидором, морковкой, петрушкой и чесночком.

– Ты ничего не забыла?

– Я? – она снова окунула поварёшку в кипящую кастрюлю. Отхлебнула. Ещё отхлебнула.

Наконец сказала, причмокивая:

– Ты прав, милый

– Началось, – выдохнул я и уткнулся в газету.

– Я огурцов туда порежу. Солёных.

– Угу, – отозвался я без оптимизма.

Я слышал как она нашинковала огурцы, спустила их в кастрюлю и туда же снова окунула поварёшку. Запричмокивала:

– У-у-у, милый! Какая вкуснятина! Правда лучка не хватает зелёного. – В ход пошёл лучок. – И грибов. Опят. Свежих.

– Это что-то новенькое, – сказал я.

Шинкование. Плюханье поварёшки. Причмокивание.

– Ну как? – спросил я не без интереса.

– Вкуснятина! – ответила моя женщина. – Я полбаночки кукурузы ещё высыплю. Маринованной.

В кастрюлю посыпалась кукуруза. На этот раз моя женщина испробовала «борща» аж целую поварёшку. То есть она её всю съела. Затем вторую...

Я сделал себе бутерброд с колбасой и сыром. Кстати, и то, и другое она также нашинковала и спустила в кастрюлю.

Наконец-то моя женщина» сварила «борщ» и видимо наелась. Она стояла спиной к плите и раскачивала поварёшку в такт какой-то песенке, которую тихонько напевала. Она была довольна.

– Милый, – прощепетала моя женщина, – ты подождёшь второе? А то первое, то бишь борщик, я нечаяно весь съела.

– Конечно, дорогая, – ответил я и сделал себе ещё бутерброд.

Я ел бутерброд и любовался ею, моей очень кругленькой женщиной. Я любовался тем, как она варила макароны, заправляя их сахаром и конфетами.

– Скорее бы ты уж родила, – сказал я и глупо улыбнулся.

Весёлые зверушки

Что-то в этом зоопарке на колёсах под названием «Весёлые зверушки» было не так. Тигр, щурясь, сыто облизывал себя, а когда делал перерывы, то блаженно улыбался и подолгу смотрел в одну точку. В другом вагончике лис с лисичкой заигрывал по-щенячьи. Он, по всему виду, сытый, да и она каталась вся в опилках тоже очень сытая и весёлая. В третьем вагончике бурый медведь дремал, сладко похрапывая, но при этом он не забывал передней лапой поглаживать себе живот. То по часовой стрелке, то против. В четвёртом вагончике волки, счастливые, и от счастья, сошедшие с ума, хаотично метались. В пятом...

Мой шестилетний сынок, как и я был поражён.

– Папа, – сказал он, проглотив в результате шока чупа чупс целиком, – ещё на прошлой неделе все эти зверушки умирали от голода. Они были печальны и хмуры. Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.